

«Славянский вопрос» в публицистике М. П. Погодина 1830–1850-х гг.¹

Андрей Тесля

Кандидат философских наук, доцент кафедры философии и культурологии
социально-гуманитарного факультета Тихоокеанского национального университета
Адрес для корреспонденции: ул. Тихоокеанская, д. 136, Хабаровск, Российская Федерация 680035
Email: mestr81@gmail.com

М. П. Погодин в 1830-х — 1850-х гг. был одним из наиболее заметных русских публицистов, претендовавших на роль выразителей доктрины «официальной народности», более того, являвшимся одним из ее создателей. Детальный анализ его взглядов на «славянский вопрос» позволяет раскрыть не только его взгляды по данному направлению русской политики, но и реконструировать понимание им «народности», национально-государственных процессов у южных и западных славянских народов, а отчасти и у велико- и малороссов. Интеллектуальное формирование Погодина приходится на конец 1810 — начало 1820-х гг. — сложившееся в эти годы понимание «народа», исторического процесса и т. п. (представления в духе ранней романтики, постгердеровского типа, с сильным влиянием просвещенческой мысли), окажется устойчивым, характерным для суждений Погодина зрелого и позднего периодов. В двух письмах, поданных министру народного просвещения С. С. Уварову (в 1839 и 1842 гг.) и затем в серии писем и записок, созданных во время Крымской войны, Погодин предлагает программу активной поддержки национального движения среди славянских народов, нацеленную на распад Австрийской империи (участь империи Османской мыслится Погодиной самой собой разумеющейся). Для этого империя должна активно усвоить националистическую политику, причем узловым становится решение «польского вопроса», как принципиального затруднения на пути привлечения на свою сторону других славянских народов: на протяжении 1830-х — 1850-х Погодин предложит несколько вариантов политики в отношении Польши, от культурной автономии вплоть до предоставления независимости (и поддержания ее притязаний на территории, принадлежащие Австрийской империи и Прусскому королевству). В качестве решающего критерия национальной идентичности однозначно выбирается лингвистический, т. е. язык «простого народа». Анализ взглядов Погодина позволяет сделать вывод, что он был далек от поддержки существующей государственной политики, выступая автором принципиально отличной от нее программы.

Ключевые слова: нация, народность, общественное мнение, панславизм, М. П. Погодин.

По оценке П. И. Павленко, современного биографа Михайло Петровича Погодина, «удивительна и часто непредсказуема судьба неординарных людей: одни из них купаются в лучах славы при жизни, к другим современники бывают равнодушны и их дарования высоко оценивают только следующие поколения, третьи

© Тесля А. А., 2014

© Центр фундаментальной социологии, 2014

1. Исследование выполнено в рамках гранта Президента РФ № МК-2579.2013.6. Тема: «Социальная и политическая философия поздних славянофилов: между либерализмом и консерватизмом».

пользуются популярностью при жизни и оказываются в забвении после смерти. <...> Погодин принадлежит к третьей категории людей — спустя некоторое время о нем забыли, и имя его известно только сравнительно небольшому кругу лиц, прежде всего историкам разнообразного профиля (общественно-политической мысли, литературы, историографии, журналистики, издательского дела и др.)» (Павленко, 2003: 3). Во многом такая судьба справедлива — Погодин был в первую очередь человеком «общественным», горячо отзывавшимся на события современной ему жизни, и вместе с самими современными событиями отошел и интерес к нему. Собственно, еще при жизни он стал скорее «памятником времен прошедших» — столь же горячо отзываясь на текущие события, он судил о них с позиции, уже принадлежащей прошлому: с ним все реже полемизировали, его суждения с течением времени оказывалось проще обойти, проигнорировать, чем вступать в спор. Показателен в этом отношении сюжет, связанный с опубликованием в «Вестнике Европы» серии статей Пыпина (в последующем объединенных в известную работу «Характеристики литературных мнений от двадцатых до пятидесятых годов»; см.: Пыпин, 1906). Погодин, оказавшись, разумеется, одним из персонажей очерков, отозвался на них (Погодин, 1873), чем создал необычную ситуацию, когда «исторический персонаж» спорит с историком. Не менее характерно, что само описание, сделанное Пыпиным, предполагало не просто временную дистанцию, а отнесенность к «прошедшему прошлому», к реконструкции по «письменным памятникам», когда миновала пора «личных воспоминаний» участников событий.

Если интерес к Погодину как историку сохранялся довольно долго (его взгляды обсуждались в научных публикациях еще в начале XX века, плавно перемещаясь из сферы актуальной исторической науки в ведение историографии), то публицистика Погодина выпала из сферы общественного внимания гораздо быстрее и весьма плотно: даже относительно близкие к нему по взглядам представители так называемого «охранительного» направления отечественной мысли редко ссылались на него. Однако такая ситуация сложилась к концу его жизни — напротив, в 1830–1850-е годы он выступает в качестве одного из наиболее если не влиятельных, то обсуждаемых русских публицистов (и внимание к его историческим трудам отчасти является следствием их как явной, так и скрытой публицистичности). Впрочем, для обстоятельного обсуждения его взглядов в то время имелись препятствия другого рода: Погодин воспринимался как один из «рупоров» доктрины «официальной народности», его издания — в особенности журнал «Москвитянин» (1841–1855) — находились под покровительством властей, близость его и его неизменного соратника С. П. Шевырева (1806–1864) к министру народного просвещения С. С. Уварову (1786–1855) была общеизвестна и всячески ими подчеркивалась. Они были не только склонны к верноподданическим заявлениям несколько более частого и эмоционального характера, чем было принято (и считалось пристойным) в образованном обществе того времени, но и печатали в том же «Москвитянине» описания летних бесед с министром и ученых досугов последнего в его имении Поречье.

Прижизненная репутация Погодина во многом определила историографическую традицию: статус выразителя «официальной народности» не предполагал детальных разысканий в сфере его идейных воззрений. Никким образом не собираясь опровергнуть эту репутацию, напомним, что он был не только и не столько сторонником упомянутой «доктрины», сколько одним из ее создателей и интерпретаторов. «Доктрина» представляла собой скорее лишь девиз («православие, самодержавие, народность»), «присоединение» к которому уже предполагало некоторую интерпретацию и осмысление. При этом позиция Погодина во многом сформировалась еще до провозглашения Уваровым «доктрины», и их встреча в 1832 году, при инспекции, тогда еще в статусе товарища министра народного просвещения, Московского университета, оказалась плодотворной для обеих сторон. Они опознали друг в друге единомышленников: и хоть Погодин не примкнул к «официальной системе взглядов», он воспринял ее как выражение собственных взглядов, или, точнее, как движение в том же направлении (см.: Мартынов, 2011: 137). В дальнейшем Погодин будет пытаться — и нередко достаточно активно — повлиять на применение данной программы в аспекте «народности», в практической плоскости, стремясь внушить свои представления правительству (в первую очередь тому же С. С. Уварову) и в то же время действуя непосредственно, осознавая следствия, которые вытекали из принципа «народности» для политики Российской империи.

В. Е. Чешихин в конце XIX века нашел удачное дополнение к пыпинской формулировке — «доктрина официальной народности», назвав взгляды Погодина и Шевырева «вольной школой официальной народности» (Мартынов, 2011: 179). Наибольший интерес — в силу оригинальности идей Погодина, идущих вонне, а отчасти и вопреки официальной позиции — представляет его понимание «славянского вопроса» за период с начала 1830-х до конца 1850-х годов.

Интеллектуальное формирование Погодина приходится на вторую половину 1810-х — первую половину 1820-х годов, т. е. на время первого обращения к «национальной» проблематике (Койре, 2003). Национальное романтическое движение на русской почве в конце 1810-х — начале 1820-х приводит, среди прочего, к принципиально новому восприятию «славянской проблематики». Она не только попадает в поле зрения различных групп, например декабристских, но и осмысливается в понятийной рамке, родственной идее «славянской взаимности» (Кацис, Одесский, 2010: 14–15): зарубежные славяне рассматриваются как «родственные русским», как нации, которым предстоит «возродиться» Если ранее «нация» отождествлялась с высшими сословиями и на этом основывалось разделение на народы исторические и неисторические, то

«постгердеровское „открытие народа“... обнаружило его, по существу, в каждой нации. Оказалось, что внутри „исторических“ наций существует до того времени почти незамеченный „народ“ (с его „народными“ песнями, „народными“ обычаями, „народным“ языком, „народной“ одеждой), который

ничем практически не отличается от „неисторических“ наций. Этот „народ“ количественно составляет большую часть нации и постепенно, но все более настойчиво начинает восприниматься как ее неотъемлемая часть. <...> „Открытие народа“ устраняло метафизическую бездну между двумя разрядами народов, а в перспективе сулило и вовсе свести эту дистанцию к минимуму. Оказывалось, что „исторические“ и „неисторические“ народы различаются лишь по своему месту на шкале восходящего процесса цивилизации» (Толочко, 2012а: 20–21).

Романтическим пониманием «народа» оказываются проникнуты «Исторические афоризмы» Погодина, написанные в 1827 году и опубликованные лишь в 1836. Историк в них понимается как «венец народа, ибо в нем народ узнает себя (достигает до самосознания)», а «Народ без Историка творение недовершенное, без самопознания» (Погодин, 1836: 11, 47). «Народ» мыслится в рамках данной романтической логики как нечто «природное», «естественное» — и «как „природа“, существовавшая „всегда“, в принципе не имеет начала, так и „народ“, ее часть, пребывает в том же состоянии, в котором он находится с незапамятных времен...» (Толочко, 2012а: 22). История тем самым оказывается «раскрытием во времени» этих «начал», которые пребывают неизменными до тех пор, пока народ «остается самим собой». Наблюдаемое различие отсылает к различию в «истоках», во вневременных началах истории — а разные «начала», в свою очередь, должны вести к разному проявлению во времени²: «Вот два зерна — они очень похожи между собою, но из одного вырастет дуб, а из другого пальма: так в сходных началах Государств заключаются зародыши их будущих видоизменений» (Погодин, 1836: 88)³.

Вспоминая общеизвестную схему восточноевропейских национальных движений, предложенную Мирославом Грохом (Hroch, 1985), предполагающую выделение трех стадий: 1) академической, когда формируется первоначальный, преиму-

2. Данная позиция позволяет разграничивать соответствующее «народным началам» от чуждого, хоть и присутствующего в истории, но понимаемого как «привнесенное». В этих рамках будут вестись, например, дебаты 1840-х о петровских реформах и их отношении к «русскому» — как отклонение или же как естественное следствие. Оригинальным примером аргументации в рамках этой логики служит позиция П. Я. Чаадаева о «самоотречении» как существенной черте «национального характера», выраженная в неотправленном письме к А. И. Тургеневу (датируемому августом — ноябрем 1843 г., т. е. в разгар салонных споров «западников» и «славянофилов»): «Правда в том, что Россия отдала в руки Петра Великого свои предрассудки, свою дикую спесь, некоторые остатки свободы, ни к чему ей не нужные, и ничего больше — по той простой причине, что никогда народ не может всецело отречься от самого себя, особенно ради странного удовольствия сделать с новой энергией прыжок в свое прошлое... Эта склонность к отречению — прежде всего плод известного склада ума, свойственного славянской расе, усиленного затем аскетическим характером наших верований... Отрицать эту существенную черту национального характера — значит оказать плохую услугу той самой народности, которую мы теперь так настойчиво восстанавливаем» (Чаадаев, 1991: 160).

3. Ср.: «Германия сохранила феодальную форму до нашего времени. Для чего нужно было, чтоб она осталась такою? Каким образом она уклонилась от общего преобразования Европе, когда во всех Государствах основалось единодержавие? Верно в первой ее Истории было какое-нибудь важное отличие [выд. нами. — А. Т.] от Истории прочих юго-западных и северо-восточных Государств Европейских — и вот другая История, Имперские чины, Курфирсты, избирательное правление, федеративный союз» (Погодин, 1836: 96).

щественно научный интерес к истории и культуре народа; 2) культурной, когда складывается «национальная элита», производящая современную высокую культуру, т. е. то, что можно предъявить в качестве аргументов в пользу национальной самостоятельности, позволяющее данному народу быть не только «этнографическим материалом», но и участником современной истории; 3) политическую, когда массы мобилизуются национальной элитой, — можно сказать, что Погодин в своем лице вполне представляет применительно к славянскому национальному движению два первых этапа и отчасти (в меру участия в Славянском комитете, председателем которого он был с 1858 г.) третий. Еще в самом начале своей академической карьеры он обращается к славянской тематике, осмысляя ее в «патриотическом» ключе, понимая это как обращение к «началам» и «истокам»⁴ — и та же проблематика в скором времени выводит его на вопросы «славянского единства», в чем большую роль сыграет знакомство с Ю. И. Венелиным (1802–1839). Погодин будет оказывать ему поддержку вплоть до его смерти в 1839 году (см.: Венедиктов, 1998), ценя за главную идею: «В 1829 году я напечатал на свой счет Болгар г. Венелина, как сочинение, провозгласившее в первый раз в русской литературе мысль о древности Славян в Европе под другими именами до VI века...» (ЖМНП, 1838, ч. XIX: 199). В 1857 году он напишет: «Не скрою, что с молодых лет я был долго отчаянным панславистом» (Погодин, 1874: 4).

В центр интересов Погодина славянская тема в своем современном значении попадает после первого заграничного путешествия в 1835 году (всего до 1848 г. Погодин совершит четыре заграничных поездки, в каждую из них посещая «славянские земли», поддерживая и укрепляя контакты с местными учеными и интеллектуалами). Заочно в некоторой степени осведомленный о деятельности славянских «будителей», он знакомится с П. Й. Шафариком (1795–1861), учеником Добровского и одним из столпов славяноведения. Шафарик тогда заканчивал 1-й том «Славянских древностей» (организацию перевода которого Погодин предпримет по возвращении в Россию), и именно он сводит Погодина с остальными деятелями «чешского возрождения», а также с Я. Коларом (Барсуков, 1891: 313–320)⁵, автором идеи «славянской взаимности». Интересы Погодина находятся вполне в русле политики Министерства народного просвещения, которое в эти годы основывает четыре славянские кафедры (т. е. практически во всех собственно русских университетах), и командировует ученых в славянские страны (Пашаева, 2001: 22). Примечательно, что выпускники Петербургского педагогического института Грановский и Лешков, отправленные для подготовки к профессорскому званию в заграничную командировку, по завершении обучения в Берлинском университете заезжают по пути в Венскую публичную библиотеку; каждый на несколько недель в Прагу, за-

4. В 1825 г. он вместе с С. П. Шевыревым осуществляет русский перевод грамматики церковнославянского языка Й. Добровского, который будет опубликован только в 1833–1834 гг. (Добровский, 1833, 1834).

5. Знакомству с Шафариком Погодин придает такое значение, что, будучи не тароват на письма, из Праги торопится сообщить М. А. Максимовичу (28.VIII/9.IX.1835): «Каких превосходных людей нашел я в Праге, подружился с Шафариком!» (Погодин, 1882: 8)

водят знакомства среди местных ученых и приступают к изучению чешского языка, которое намереваются продолжить в Вене (Попов, 1879: 45)⁶.

Вокруг славянской тематики формируется устойчивый круг энтузиастов из отечественных ученых и публицистов, связанный с аналогичными кружками в «славянских землях», который центрирован фигурой Погодина (некоторую конкуренцию ему в конце 1830-х — начале 1840-х будет составлять Н. Греч благодаря своей переводческой и издательской активности). В рамках этого кружка «славянский вопрос» приобретет собственную динамику, уже достаточно независимую от интересов и планов правительства. Члены кружка будут соотносить себя с новой общностью, «славянами», одновременно представителями и открывателями которой себя ощущают.

Восприятие данной общности раскрывается в следующих двух небольших фрагментах из писем О. М. Бодянского о Шафарике, адресованных Погодину (ЖМНП, 1838, ч. XIX): «Теперь он занимается сочинением археологической части своих Древностей и приготовлением двух географических карт к ним: это последнее изумит Вас и всех вообще, увидите, что это за народ Славяне, какую часть занимают они в Европе, что такое прочие Европейцы перед ними, чтобы это было за прекрасное зрелище, — зрелище, какого не представляла еще история, какого не видел еще свет, и если увидит когда, так только через них, больше никогда!» (Попов, 1879: 25, письмо от 20.II/5.III.1838). И через два с небольшим месяца:

«Карт к Древностям не ожидайте скоро: он сам не знает, когда они будут готовы; впрочем, не далее года. Намерение его издать их, и особенно с кратким географико-историческим, этнографическим и лингвистическим описанием, для подручного употребления путешествующих: это будет чудная, единственная в своем роде вещь. Путешественник тогда увидит, где он находится, перестанет думать, что странствует между Немцами, Мадырами, и т. п. Нельзя сказать, сколько может выйти оттуда следствий, к каким поведет заключениям, думам, и что дивного? По крайней мере, я той веры» (Попов, 1879: 50, письмо от 30.IV/12.V.1838).

Если карта должна сделать «славян» зримыми, дать возможность не только увидеть на бумаге размеры «славянского племени», но и различить «славян» на местности, где в противном случае путешественник будет думать, что находится между другими народами (иными словами, научная идентификация — произведенная надлежащим образом и закрепленная в карте — способна не только об-

6. Если действия Грановского, готовящегося к занятию кафедры всеобщей истории, еще можно объяснить научными соображениями, то желание познакомиться с чешским и сербскими языками Лешкова, готовящегося к преподаванию права (в дальнейшем ставшего крупным специалистом по полицейскому праву), или его спутника Лукьяновича, отправленного в командировку для усовершенствования в классической филологии, собственно научными причинами, не привлекая таких факторов, как общественный интерес и некоторая «мода», плюс благосклонность к подобного рода «ответвлениям» научных интересов со стороны министерства и попечителей учебных округов, объяснить затруднительно.

ратить «непосредственно наблюдаемое» в недостоверное, но равно и заставить увидеть то, что ранее было ненаблюдаемым — «славян»), то журнал способен «произвести переворот». Узнав о получении Погодиным разрешения на издание нового журнала (после закрывшегося фактически по причине отсутствия подписчиков «Московского наблюдателя»), Бодянский пишет:

«Стало быть, „Наблюдатель“ усне о Господе: мир праху его! Вы имеете довольно времени для накопления материалов; с моей стороны будет сделано все, что только могу: письма, замечания, известия, выписки, указания и пр. т. п. Свидевшись с Вами, мы говорим об этом подробнее и уладим Славянскую часть, которая, по моему мнению, должна быть непременно статьею в каждом № Вашего журнала; но в выборе надобно быть чрезвычайно осмотрительными [выд. нами. — А. Т.]» (Попов, 1879: 44, письмо от 12/24.IV.1838).

Получив же ответ Погодина (где тот извещает, что издание журнала откладывается минимум на год⁷), Бодянский продолжает:

«Стало быть, журнал Ваш не состоится и в будущем году! Степан Петрович⁸ будет странствовать целый год, а Вы больше полугода! Повремените с ним, если можно, до моего возвращения. Тогда я к Вашим услугам со всем, что найдется в моей котомке и голове; тогда можно ему будет дать также и пан-Славянское направление, сделать центром Славянщины, сосредоточить в нем всех лучших славянских писателей, и потом... о, да что толковать об этом! Вы не можете представить, к каким следствиям такой журнал поведет, какой переворот может он произвести и как он будет благодетелен не только для Руси, но и для всех единокровных. Скажете: «это тебе так грезнится!» Нет, нет и еще нет! Я смотрю в оба, и рука об руку. Впрочем, увидясь с Ст<епаном> Петров<ичем>, я сообщу ему свои мысли о том» (Попов, 1879: 60, письмо от 18.VI/1.VII.1838).

Связи еще более упрочатся после второго путешествия, предпринятого в 1839 году, которое сам Погодин опишет в дневнике «Год в чужих краях» (опубл. в 1844). По результатам путешествия Погодин постарается перевести свои наблюдения в практическую плоскость, отправив докладную записку С.С. Уварову. В ней он формулирует ту позицию, которая во многом останется неизменной вплоть до конца его дней, предлагая долгосрочную программу, нацеленную на распад Австрийской империи (распад Османской империи представляется ему делом, принципиально решенным и потому оставляемым без обсуждения — как вопрос уже практической политики). Австрия понимается им как государство внутренне слабое и осознающее свою слабость: «Австрийское Правительство живо чувствует опасность, которая угрожает ему со стороны Славян, и употребляет все меры, чтоб отворотить ее, но кажется, что сии меры, лаская оное надеждою на успех в настоящее

7. В действительности журнал — сменив название с первоначально предложенного «Москвич» на «Москвитянин» — начнет выходить лишь с 1841 г.

8. Шевырев.

время, только скопляют грозу, которая должна рано или поздно разразиться над ним» (Погодин, 1874: 16).

«Все ученые и литераторы <славянские>, кроме немногих подкупленных, заклятые враги Австрийцам, которые однакож тщательно скрывают свои чувствования, впредь до благоприятнейших обстоятельств. Народ разделяет их чувствования, хотя и бессознательно, по одному наследственному инстинкту, страдая в бедности, между тем как плоды трудов его расточаются иноплемениками. Одно только дворянство, особенно в Богемии, держится Австрийцев, переродясь совершенно в Немецкое...» (Погодин, 1874: 19).

Одновременно Погодин объясняет Уварову, почему о той огромной силе, которую он рисует, не известно в Европе, почему оно скрыто от глаз — и интерпретируя причины этого как еще одно обстоятельство, благоприятствующее тем планам, которые он строит: «Положения Австрии в Европе не знают, потому что не знают Славянских наречий, и следовательно, не могут взвешивать, понимать настоящего движения. <...> Двадцать миллионов враждебного племени внутри государства ускользает от их внимания», причем распространенная среди русских точка зрения от этого не отличается: «Самая Богемия считается, даже в Русских учебных книгах, Немецким владением Австрийского Императора!» (Погодин, 1874: 21). Россия не знает о своих силах — и о том, какую угрозу она представляет для Австрии, но делая осторожную оговорку, что ведет речь с чужих слов⁹, Погодин утверждает:

«Австрия, говорят, боится более всего России, которой, без ее ведома, симпатизируют все Славяне вплоть до Адриатического моря. <...>

Славяне уверены, что Русское правительство тайне им благоприятствует и что только политические обстоятельства мешали ему до сих обнаружить яснее свои мысли. <...>

Россию же от Славян отвращают Австрийцы, называя Русскому правительству национальное расположение революционным.

Славяне вообще думают, что Австрийцы, с целью отвлекать внимание России от них, обращают оное на другие предметы, выдумывают разные опасности, побуждают принимать какие-то стеснительные меры, и стараются затмить настоящее положение дел» (Погодин, 1874: 21, 22, 23).

Хотя Погодин и делает оговорку, что «смотрел на Славян и их отношение к Русским только со стороны ученой и литературной» (Погодин, 1874: 25), однако предлагаемые им уже от себя действия не только оказываются долгосрочной куль-

9. Завершив рассуждение, Погодин вновь вставит оговорку: «Я представляю здесь Вашему Высокопревосходительству то, что я слышал, нисколько не ручаясь за истину последних предположений: может быть, угнетенным Славянам кажется многое в воображении, чего нет на самом деле» (Погодин, 1874: 23) — одновременно демонстрируя, что сам он склонен считать приведенные мнения основательными, и далее переходя к возможным сценариям распада Австрии.

турной политикой в отношении славянских народов, но и отчасти переходят в традиционную государственную политику¹⁰.

Погодин фактически выступает одним из пионеров политики «нового стиля», работающей с общественными движениями и стремящейся повлиять на общественное мнение других стран, предлагая, например, в отношении сербов «воспитывать некоторых также в наших Университетах и Духовных Академиях. Необходимо содействовать распространению Русского языка в Сербии и всеми силами препятствовать там чуждому влиянию, т. е. Австрийскому, подарить Правительству избранную библиотеку Русскую, наделить Русскими церковными книгами, и пускать оные по самой дешевой цене, в нарочно основанной где-нибудь между ними Русской книжной лавке, в Бухаресте или Кишиневе, так чтоб Сербы могли передавать, перепродавать сии книги прочим своим собратиям, составляющим важную часть народонаселения в Венгрии и распространенным по всем Австрийским владениям до Адриатического моря». Применительно к русинам он рекомендует «в ожидании благоприятных случаев... поддерживать их возникающую литературу частным образом, через вторые, третьи руки: доставлять пособие авторам, печатать книги, назначать премии на заданные темы об Истории, языке, посылать в библиотеки Русские книги, содействовать сочинению лексикона, грамматики, собранию преданий, песен» (Погодин, 1874: 27, 28). В отношении чехов Погодин предлагал, в частности, оказать финансовую поддержку *matice česká*, аналогично и в отношении словаков «от имени каких-нибудь Русских ученых или меценатов» (Погодин, 1874: 37). Подобные меры он рекомендовал и применительно к другим славянским движениям в Австрии, отмечая скромность потребных для этого средств: «25 т. рублей ежегодного пособия удовлетворили бы оные <нужды> с избытком, 10 т. отчасти. Пособие должно быть подаваемо, разумеется, самым тайным образом» (Погодин, 1874: 38–39). Тут же говорится, что все необходимые сведения им уже получены: «Я собрал самые обстоятельные и верные сведения, каким образом, по каким путям, через какие лица исполнить это, так чтоб не произошло ни малейшей огласки в публике, даже Русской, и не навлеклось ни малейшего подозрения со стороны Австрийского правительства. От Вашего Высочайшего превосходительства зависит исходатайствовать какую-нибудь сумму от щедрости Государя Императора, отца общего Славян, и подать тем новую жизнь ученому и литературному Славянскому миру, бросить семена, кои, может быть, дадут со временем плоды великие, исторические, вселенские [выд. нами. — А. Т.]» (Погодин, 1874: 39).

Еще до отправки доклада Уварову, в письме к Максимовичу от 30 октября 1839 года из Москвы (по возвращении из второго заграничного путешествия) Погодин пишет: «Славянский мир — мой. Аз есмь альфа и омега. Собираюсь, если дело

10. Так, после предложения об основании для болгар в пограничных городах специальных училищ, часть иностранных учеников которых должна содержаться на казенном иждивении, Погодин предлагает «исходатайствовать <для болгар> некоторые гражданские преимущества, напри<ер> свободное отправление веры» (Погодин, 1874: 26).

пойдет хорошо и если правительство поможет, учредить русскую книжную лавку в Лейпциге, и иностранную и славянскую в Москве¹¹) (Погодин, 1882: 18), а в феврале 1840 года извещает того же корреспондента: «Я только что воротился из Петербурга, где был, между нами, по делу славян и, кажется, сделал кое-что для них» (Погодин, 1882: 21)¹².

Обратим внимание на еще один момент, ярко проявившийся в докладе 1839 года, но и затем присутствующий, хоть и в ослабленном виде, в рассуждениях Погодина 1840–1850-х годов (см.: Толочко, 2012б: 100–101)¹³ — отсутствие опасений перед сепаратистскими следствиями в отношении развития «местных наречий»¹⁴.

11. Эту же идею, но уже без лавки в Москве, оставив в планах лишь Лейпцигскую, Погодин излагает в докладе Уварову (Погодин, 1874: 41).

12. В примечании к цитируемому письму С. И. Пономарев отмечает: «Слова Погодина „по делу славян“ зачеркнуты, а вместо их поставлено „для литературы славян“: вероятно, Погодин посылал это письмо с почтой, а не через оказию» (Погодин, 1882: 22).

Готовя собрание своих «Историко-политических писем и заметок...», в заключительном примечании к письму С. С. Уварову Погодин отметит: «Ни одного из вышеприведенных предложений не было тогда исполнено» (Погодин, 1874: 45).

13. В 1863 г., в ситуации польского восстания возвращаясь к обсуждению статуса украинского языка (после нашумевшей деятельности «Основы» и попадания «украинофильского» движения в центр общественного внимания), Погодин сформулирует свою позицию следующим образом: «Развитие малороссийского наречия, содействие малороссийской литературе я одобряю в полной мере, но возводить его на степень особого литературного языка я считаю нелепостью, особенно теперь, когда во всех славянских племенах распространяется мысль и делаются опыты ввести великорусское наречие в общее для всех славянских племен литературное употребление!

Западные отдаленные наши единоплеменники хотят писать и объясняться по-русски, а ближайшие, восточные, будут от нас отворачиваться? Смешно и жалко!» (Погодин, 1867: 96). Подобная позиция, в скором времени уже выглядящая непоследовательной (а для некоторых воспринимаемая в качестве таковой уже и на тот момент), укоренена в предшествующей ситуации: «великорусское наречие» мыслится как своего рода *lingua franca*, аналог средневековой латыни — для славянского мира (в рамках «славянской мечты» он нуждается в общем языке, на котором все славяне могли бы понимать друг друга — и которым оказывается на Пражском славянском съезде 1848 г. немецкий, о чем будет часто вспоминать — упрекая западных славян в их стремлении дистанцироваться от России и видя в таком вынужденном языковом выборе справедливое наказание и одновременно напоминание — И. С. Аксаков). Характерно, что в терминологии Погодина, всячески акцентирующей славянское единство, «великорусский», «сербский» и т. д. зачастую, как и в приведенной цитате, будут именоваться «наречиями», тогда как термин «язык» остается за одним «славянским», «наречиями» которого они все являются. Показательно, что речь не идет об отрицании за «малороссийским наречием» статуса языка, в смысле равного «великорусскому», и возможности обретения «малороссийским наречием» полноценного литературного развития — напротив, данное «наречие» толкуется как принципиально равное по статусу с «великорусским» и дальнейшее обсуждение сводится к вопросу целесообразности (см. подробнее о позиции Погодина в отношении «малороссийского языка/наречия»: Котенко и др., 2012: 410–411).

14. Такое отношение вполне вписывалось в имперскую политику того времени (хотя предполагало совсем иное основание — в этот ранний момент, в стадии первичного складывания национальной повестки, движения «на ощупь», будущие конфликты между имперским и национальным в большинстве случаев не осознаются, поскольку старая, доmodерная империя, скрепленная принципом «династической верности», не только не исключает, но, напротив, предполагает локальные идентичности — она умножает различия, а не стирает их). А. Толочко, применительно к формированию «украинского исторического нарратива», отмечает: «Польское восстание 1830 года лишь способствовало благосклонному отношению властей к каким-либо историческим сочинениям, которые „отвоевывали“ бы территорию Юго-Западной Руси, освобождая ее из-под влияния польской истории в минувшем и от

План мероприятий, выдвинутый Погодиным, в частности предусматривал: «2) Для сравнительной Грамматики <всех Славянских наречий> нужна частная; должно назначить меньшие премии за сочинение Грамматик для тех наречий, кои не имеют еще оных, как то: нашего Малороссийского, Галицкого, и еще, кажется, одного или двух. <...> 4) Некоторые наречия не имеют еще Словарей; должно задать оные с премиями, и также наше Малороссийское, Галицкое, Болгарское, наши областные, церковные» (Погодин, 1874: 39, 40).

Российская империя должна стать проводником национальной политики, и это предполагает, что национальные движения из прямых или потенциальных противников (в рамках существующего порядка и соответствующей ему консервативной политики) превращаются в союзников. Славяне не могут обрести реальной поддержки нигде, кроме России¹⁵, а ее внутренние славянские движения тем самым не представляют опасности, увлекаемые общим пророссийским движением.

Вернувшись из третьей поездки по славянским землям, Погодин вновь пишет программное письмо-отчет, в котором характерны два момента.

Во-первых, повторение жесткой антиавстрийской позиции и курса на распад Австрийской империи, несмотря на то, что подобная позиция не разделяется правительством — а спустя несколько лет (с 1847 г.) будет вызывать официальные репрессии. Погодин добавляет к ранее приведенным аргументам новый — что сама Австрия стремится использовать набирающее силу национальное движение в своих интересах, против России (и, следовательно, предлагаемые Погодиным действия уже не являются актом агрессии против соседа, но законной, ответной мерой):

«Недавно получили они темное понятие о том, что Русское народонаселение Галиции, вместе со всею Малороссией, отличается от жителей Москвы и прочих северных губерний, и бросилось с жадностью на эту мысль, старается

польского влияния в настоящем. Украинцев в этом деле рассматривали как очевидных союзников, и правительство финансирует целый ряд научных, просветительских, общественных и издательских институций...» (Толочко, 2012б: 99).

15. Во всех этих предположениях содержалась одна важная предпосылка, а именно неспособность Австрийской империи решиться на положительное взаимодействие со славянскими национальными движениями: «Сама Австрия может сохраниться, если переменит свой образ действия и решится сделаться государством Славянским... Казалось, что было бы всего удобнее, спокойнее, справедливее для обеих сторон, особенно для Австрии, но на такую перемену Славяне никак не надеются, ибо между Австрийским слухом и Славянским звуком есть какая-то безвоздушная пропасть, через которую Правительство не может слышать и понять самого простого, ясного и громкого слова» (Погодин, 1874: 24–25).

Нельзя сказать, чтобы Погодин начисто отрицал подобную возможность, но, помимо малой ее реалистичности, он имел еще один аргумент — а именно потенциальную возможность для Российской империи всегда перебить допустимые для Австрии в рамках сохранения ее целостности уступки большими со своей стороны. Когда ситуация начнет качественно меняться в 1860-е годы (сначала в рамках политики немецко-славянской федерации, а затем политики дуализма), Погодин отразит происшедшие перемены тем, что существенно снизит пафос и предполагаемые перспективы российской политики в отношении славян — зажатый в тиски между ростом украинофильства и одновременно политикой покровительства славянским национализмам.

ее подтвердить, распространить в народе, нанимает ученых писать диссертации, надеясь посредством их охладить приверженность Галичан к России. Виды его простираются слишком далеко, и оно намеревается содействовать разделению даже самой России и привлекать Малороссию к себе, — не говорю уже о Польских помещиках, наводняющих Малороссию. С этой целью оно хочет устроить центр Малороссийской литературы у себя и препоручить с значительными выгодами издавать по своим видам журнал на Малороссийском языке в Вене Латинскими буквами. Малороссийский журнал в Вене! Малороссийский журнал Латинскими буквами! Вот как действует Австрийское правительство» (Погодин, 1874: 53–54).

Во-вторых, куда более напряженным становится позиция в отношении юго-западных губерний, положение которых активно обсуждается в это время в правительстве в связи с польским влиянием. Погодин предлагает — приписывая эти идеи неким «русинам», с которыми он беседовал, — меры, по духу родственные тем, что будут приняты после польского восстания 1863 года. И столь же характерно, что если направленность мер останется неизменной, то обстановка 1863 года даст возможность их реализовать, тогда как в ситуации 1840-х нет готовности применить средства, достаточные для реализации намеченных задач и доступные средства явно неспособны дать желаемого результата:

«Русины советуют выводить Польский дух из возвращенных губерний, Волынской, Подольской и проч., скупая имения хоть понемногу от Польских помещиков, что очень легко бывает на Киевских контрактах, возвышая и освещая Киев пребыванием Царской фамилии, привлекая туда Русских капиталистов, которые могут легко и выгодно приобретать земли, обращая большее внимание на благосостояние крестьян, которые стонут там под игом Польских помещиков, католиков и жидов» (Погодин, 1874: 53).

После доклада 1842 года Погодин более десяти лет не касается сколько-нибудь детально «славянского вопроса»: взгляды его остаются неизменными, а правительственный курс все более далеким от того направления, которое представлялось ему желательным: революционная волна 1848 года, получившая название «весны народов», переводит все проекты взаимодействия с национальными движениями в разряд революционных — и дает, правда, весьма кратковременную, вторую жизнь строго-легитимистской политике. На полях ответов И. С. Аксакова на вопросы, предложенные ему III отделением С.Е.И.В. Канцелярии, Николай I в марте 1849-го написал: «под видом участия к мнимому угнетению славянских племен таится преступная мысль о восстании против законной власти соседних и отчасти союзных государств и общем соединении, которого ожидают не от Божьего произволения, а от возмущения, гибельного для России!.. И мне жаль, потому что это значит смешивать преступное с святым» (Аксаков, 1988: 501–502). Фразу Аксакова — «Признаюсь, меня гораздо более всех славян занимает Русь» — император подчеркнул и напротив нее написал: «И дельно, потому что все прочее мечта; один

Бог может определить, что готовится в дальнем будущем, но ежели бы стечения обстоятельств и привели к этому соединению, то оно будет на гибель России» (Аксаков, 1988: 506)¹⁶.

Начало Крымской войны вызовет со стороны Погодина — как и других отечественных интеллектуалов, разделявших сходные взгляды — взрыв энтузиазма (иногда, как в случае А. С. Хомякова, сопряженного с опасениями по поводу того, окажется ли Россия достойной той задачи, которую, по их мысли, она на себя взяла в отношении славян). В 1857 году в предисловии к тогда так и оставшимся ненапечатанными «Историко-политическим письмам» Погодин признает: «В начале войны <я> видел исполнение всех своих задушевных мечтаний» (Погодин, 1874: 4). Если по мере событий эти мечтания начинали осознаваться, напротив, все более далекими от осуществления, то более свободной почувствовала себя мысль — и первым, рискнувшим заговорить непривычным до этого, ощущавшимся как свободный и независимый, голосом стал именно Погодин. С. И. Пономарев вспоминал:

«„Политические письма“ Погодина производили в то время большой шум и толки. Бодянский, противник его в те годы, говорил нам: „Погодин никогда ничего лучшего не писал и ничего лучше не напишет“. Бодянский справедливо отдавал честь гражданской смелости Погодина, его политической прозорливости, ярко обнаружившейся в его Письмах. В пятидесятых годах они разошлись во множестве списков по всей России и читались с не меньшей жаждой, как некогда „Евгений Онегин“ или „Горе от ума“» (Погодин, 1882: 71).

Сам же Погодин так вспоминал о происхождении «Писем»: «Начались они случайно, по вызову одной доброй, любящей отчизну женщины¹⁷. Слово за слово, мне захотелось послужить кстати любезным своим единоплеменникам Славянам, которых судьба с младых лет возбуждала сердечное мое участие. Потом увидел я самое удобное время для убеждения в предательских действиях Австрии, коротко мне известных, и в отношении к Славянам, и в отношении к России. Текущие события меня возбуждали, как возбуждали и весь народ, вышедший как будто из

16. Слова императора трудно трактовать как принципиальный отказ от всяких «панславистских» амбиций, однако их реализация мыслилась исключительно подчиненной властным велениям — исключая все варианты «культурной политики», организации общественного мнения и т. п. Собственно, это была скорее базовая готовность к территориальной экспансии и/или к расширению своего влияния.

17. Имеется в виду графиня Антонина Дмитриевна Блудова, обратившаяся к Погодину 25.1853 г., по возвращении того из заграничной поездки, с просьбой: «Напишите мне, что видели и слышали в ваше путешествие? Напишите, какие доходили до вас интриги иностранные против нас в тех краях» (Барсуков, 1898: 523–524). Адресат хоть и отвечал в начале послания: «...с какою целью буду я писать вам этот отчет? Если не произвело никакого действия и пропало без вести мое донесение 1842 года, которое так великолепно и удивительно, даже для меня самого, паче чаяния, оправдалось и оправдывается последующими событиями, с нынешними включительно, то какую пользу может принести краткая записка?» (Погодин, 1874: 70), тем не менее набросал краткие заметки, неожиданно привлечшие высокое внимание и вызвавшие последующие тексты уже по собственному побуждению автора.

долговременного сна: я услышал толки о политике от таких людей, которые вовсе не имели понятия, что такое политика, — и почел долгом сообщить моим соотечественникам то, что я знал по моим отношениям о разных важных предметах, и чего не знают другие. События совершавшиеся утверждали меня в моих убеждениях. Мои предсказания сбывались, я почувствовал смелость. Общее сочувствие, выражаясь самым лестным для меня образом, ободряло меня еще более, и я продолжал писать. Разгораясь более и более, я думал, что наконец наступило время исполнения моих самых задушевных, заветных надежд. Вся Русская история, казалось мне, стремится к своему увенчанию. Мысли толпились в голове моей, и я хотел высказать все» (Погодин, 1874: 269–270).

Ценность этих писем в том, что в ситуации растерянности властей и их готовности выслушать мнение со стороны — от человека, имеющего репутацию более чем благонадежного и в то же время предлагающего взгляд на политику, далекий от общепринятого — Погодин проговаривает и выговаривает многое из того, что ранее оставалось в области умолчаний и намеков. Прежде всего он выступает за отказ от ранее принятой политики: «<...> вот результаты нашей политики! Правительства нас предали, народы возненавидели, а порядок, нами поддерживаемый, нарушался, нарушается и будет нарушаться. Следовательно, политика наша была не только для нас вредна, но и вообще безуспешна» (Погодин, 1874: 91); «...каких друзей приготовила нам прежняя наша политика и дипломатия? Никаких. Помощи нам ждать неоткуда. Друзья нас предали и все ближние стали далеко» (Погодин, 1874: 109). Уже озвученные в 1839 и 1842 годах тезисы провозглашаются не только вновь и открыто — но и без попытки скрыть их многообразные последствия, предполагающие радикальный разрыв с прежним курсом. По мере ухудшения ситуации и образования европейской коалиции против России, когда Австрия займет по отношению к ней позицию «враждебного нейтралитета», Погодин, утверждая, что раз Австрия перешла в стан практически открытых врагов России, то России, в свою очередь, нет причин оберегать целостность соседней империи, — полагал необходимым решиться на крайнее средство и открыто и действительно стать на сторону национальностей, осуществить своего рода «перехват» той программы, которая прежде воспринималась как враждебная, связанная с революционным движением. В 1842 году он пишет: «...Славянские политики еще решительнее, чем прежде, утверждают теперь, что она слабеет от часу, и едва ли больше Турции заключает в себе внутренней самостоятельности. При первой войне, где бы то ни было, она может разорваться на части. В Наполеоново время этого не случилось, потому что Славянское племя далеко было от настоящей зрелости и сознания. Имя и авторитет Меттерниха удерживает панически общее стремление, но смерть его явит многое народу» (Погодин, 1874: 54, ср. с запиской 1839 г.: Там же: 21). В августе 1854 года он уже от своего имени утверждает:

«Австрия есть государство, составленное из разных народов...

Управлять всеми этими народами она могла только посредством раздоров, естественных и искусственных. *Divide et impera* — вот что было ее правилом, в котором заключалось ее спасение. Иначе она существовать не могла. Венгерские полки должны были ограждать ей принадлежность Богемии, Чехи посылались в Ломбардию, итальянцы отвечали за Русинов, за Поляков, за Волохов, а Волохи за Немцев.

Можно судить, сколько злобы должно было питаться во всех сердцах ее подданных, сколько ненависти к ней накопилось!

Но все-таки она могла существовать, пока национальности не созрели до сознания. Сознание это принадлежит нашему времени, а именно к последнему двадцати-летию [выд. нами. — А. Т.]» (Погодин, 1874: 222, 223).

Он предлагает

«стараться о перенесении войны на другую сцену. Заварить общую кашу. Европа хотела войны — так вот тебе она: *tu l'as voulu!*

<...> Изъявите так или иначе, громко или тихо, даже молча, свое согласие на восстановление Польши, Венгрии, Италии, Греции, Славянских стран, словом, на устройство государств по языкам, как предсказывал Наполеон, размышляя на острове Св. Елены о судьбах Европейских. <...> А Кошут, Маццини, Ледро-Роллен? Это не наше дело, а дело Венгрии, Франции и Италии. Пусть они ведаются между собою, как знают, а наше дело сторона. Свои собаки грызутся, чужая не приставай: умная пословица, которую мы к несчастью позабыли.

До Кошута и Маццини настоящая война не касается. Не революционеры собственно воюют теперь с консерваторами, а консерваторы между собою. Революционеры только в подкладке. Австрийцы консерваторы, и Немецкие Государи тоже. Сам Лудовик Бонапарт не красный республиканец, и Английская аристократия терпеть не может коммунизма. Консерваторы идут на Россию, главную свою подпору. Ясно, что не консерватизм и революция в войне, а Россия и Европа, Восток и Запад. Так выбросим из головы эти пустые слова, кои сбивают с толку и в настоящих обстоятельствах не имеют смысла». (Погодин, 1874: 277, 278–279).

Иначе говоря, если до того момента Погодин всячески убеждал — примеряясь к своей аудитории — что его славянские чаяния не только никак не связаны, но и прямо противостоят европейским революционным движениям, то теперь он отчетливо заявляет готовность использовать последние для достижения поставленных политических целей: принцип национальностей он ставит выше принципа легитимности¹⁸ — более того, он убежден, что последним надлежит пожертвовать в

18. Уже в январе 1856 г. он продолжает убеждать, набрасывая контуры новой политики: «Касательно внешних отношений объявите систему невмешательства: пусть все народы идут свободно, кто как желает, к своим целям. Покайтесь в ваших ошибках перед всеми, что примирит вас с Венгрией, Италией и всею левою стороною Европы. Пригласите все правительства покровительствовать национальностям: и вы тем докажете бескорыстие вашей новой политики, и приобретете благодарность и любовь национальностей, которые будут видеть в вас нравственных покровителей, и, опираясь на

текущей ситуации, поскольку национальное движение, если им не успеет овладеть Российская империя, будет обращено против нее: «Гоняясь за тенью Австрийского нейтралитета, мы охладили единственных своих союзников — Славян, мы поразили их в самое чувствительное сердце, лишив их надежды, коею они жили, уронили себя в их мнении и открыли к ним путь всем враждебным влияниям, подкрепляемым теперь нашим отсутствием, как прежде холодностью и бездействием» (Погодин, 1874: 280). Речь не о том, принимать или не принимать «политику национальностей» — она уже стала реальностью и теперь вопрос лишь в том, воспользуется ли ею в свою пользу Российская империя, или же она будет ее жертвою: «...при обороте дел в нашу пользу враги примут непременно те меры, кои описал я выше, и начнется настоящая Европейская, Наполеоновская война, потяжелее нынешней Турецкой. Мы потеряем тогда Польшу. Бог бы с нею, но мы наживем многих новых врагов — и конца перемене не видать! Лучше, благороднее и полезнее принять почин на себя (инициативу), и не давать в чужие руки того оружия, которое в наших руках примет совсем другое значение» (Погодин, 1874: 288).

Из общего понимания желаемой политики в отношении славян вытекает особая позиция по «польскому вопросу», который оказывается камнем преткновения, тем, что мешает Российской империи решиться на активную поддержку славянских национальных движений, с одной стороны, и настраивает многих славянских деятелей враждебно или, по крайней мере, настороженно по отношению к России — с другой. Как пишет Погодин Уварову в 1839 году: «<Славянские племена> смотрят на Польшу как на образец Русского управления. Оно весьма важно для будущих возможных отношений России к Славянскому миру. Немцы, указывая Славянам на Польшу при некоторых случаях, разумеется, в свое неверное стекло, говорят им: лучше ли Полякам у Русских, чем вам у нас?» (Погодин, 1879: 34). Именно это обуславливает неустойчивость мнений Погодина в отношении Польши (Стайцов, 2010) — необходимость одновременно соблюсти интересы империи и дать такое решение, которое делало бы возможным активное проведение в отношении славян политики того рода, какую он проповедовал¹⁹.

В 1839 году Погодин предлагает встать относительно Царства Польского на путь «культурной автономии»:

«К самым действительным мерам примирить их с нами, ибо они все еще ненавидят нас, есть покровительство их языку, литературе, Истории (я говорю о Царстве Польском), и, наоборот, ничего столько не питает злобы, как меры противоположные. Языку польскому надо учить наравне с Русским. Если мы будем учить ему недостаточно, то Поляки будут доучиваться ему дома, го-

вас, будут предъявлять свои права. <...> Покойному Государю мудрено было менять через тридцать лет свою систему. Он скончался последним самодержцем Европы, и скончался истинно по царски, согласно с своею ролею. Мир его праху. Почтим его последней искупительной самозаклавшейся жертвой самодержавия. Его сыну принадлежит новая эра в Истории России, в Истории Европы, в Истории человечества» (Погодин, 1874: 339, 340).

19. О взглядах Погодина по польскому вопросу в начале 1830-х гг. см.: Тесля, 2010.

раздо с большим рвением и успехом, как то бывает со всяким запрещенным предметом, и мы не только не достигнем своей цели, но еще более отдалимся от нее, и сверх того будем вооружать тайных врагов» (Погодин, 1874: 28);

«...осуждают Русское Правительство, даже самые Славяне, приверженные к нам [выд. нами. — А. Т.], за то, что в Польше нет Университета. <...> Не смею сказать ни слова об этом обвинении, ибо основание Университета в Польше соединено с политическими обстоятельствами <...>. Я скажу здесь только: почему для прекращения кликов, может быть и неосновательных, пока не называть Университетом тех двухлетних дополнительных курсов, которые вводятся, как я слышал, при Варшавских гимназиях? Языки древние, наречия Славянские с их литературами, науки естественные, медицинские, Русское право, Римское право — такие предметы могут быть преподаваемы безопасно кем бы то ни было. Другие предметы могут быть оставлены, сколько угодно лет, — за неимением преподавателей. Курсы могут быть ограничены двумя, или тремя, или четырьмя годами, приемы и выпуски строги или снисходительны, смотря по особнным видам Правительства. Может быть опасно соединение многих молодых людей вместе — пусть факультеты и даже лекции разделятся по разным домам» (Погодин, 1874: 33).

В 1842 году он высказывается еще более сдержанно, цитируя неких неназванных «Славянских политиков о Польше»: «Если меры кроткие и национальные, согласные всего более с народным характером, в особенности покровительство языку, литературе и истории, не удадутся, то надобно одним разом расселить шляхту по всему пространству России, т. е. поступить так, как поступил Иоанн Васильевич I с Новым городом» (Погодин, 1874: 63–64).

В условиях Крымской войны положение вещей меняется самым существенным образом — Польша выступает как угроза для России: «Это болезнь на нашем теле» (Погодин, 1867: 36). Выход видится Погодину парадоксальный — дать Польше независимость (в «границах этнографических», как будет принято выражаться уже в 1860-е), поддержать ее — и тогда из угрозы для России она превратится в ее союзника и в угрозу для ее врагов: «Объявите независимость Польши, и вострепет Австрия, Пруссия и вся Германия, хотя они ратуют и теперь в ее пользу, пока она связана с Россией...» (Погодин, 1867: 37). По мере стабилизации положения от наиболее радикальных проектов Погодин отказывается — в 1856 году он выступает уже только за автономию Царства Польского. Однако и эта позиция вызывает недовольство в верхах — отосланная через секретаря великого князя Константина Николаевича, будущего министра народного просвещения А. В. Головнина с письмом на Высочайшее имя, «Записка о Польше» получает следующий ответ от того же Головнина: «В наше время много можно сделать хорошего, но все же размеры этого хорошего будут микроскопические сравнительно с тем, о чем вы мечтаете. Мы в состоянии поднять фунт, вымести комнату, а вы хотите, чтоб подняли миллион пудов и вычистили бы все здания Российской Империи, и сердитесь, ког-

да это не делаем. Его Высочество вовсе не разделяет изложенных в вашей статье мыслей» (цит. по: Стайцов, 2010: 224).

Впрочем, рассуждения Погодина о польском вопросе имеют и другой интерес — в них он оказывается вынужден (в связи с проблемой разграничения «польских» земель от «русских») сформулировать используемый им критерий национальности. Если в большинстве других своих выступлений Погодин использует понятия «народ», «русские», «поляки», «чехи» и т. п. как нечто беспроблемное, то здесь он эксплицирует свое понимание. Еще ранее можно было отметить, что народное и национальное не увязываются Погодиным тесно с религией — так, например, в начале 1854 года он пишет: «Русские, вас сколько? Мы не знаем еще наверное, сколько нас всего на все. Да неужели нет у вас никаких счетов? Есть метрические книги, но там записываются одни православные...» (Погодин, 1874: 120). Определяя, где должна пройти граница между Польшей и Россией, Погодин дает краткий набор критериев, звучащий вполне традиционно: «Если... согласиться, что Польша не принадлежит России, то колыми паче не принадлежит Польше ее прежние, временные завоевания в России, которые остались, как были искони, Русскими, с Русскою верою, с Русскими обычаями, с Русским языком [выд. нами. — А. Т.]» (Погодин, 1867: 63), т. е. критерии вероисповедный — конфессиональный, культурный — этнографический и лингвистический. Однако следом он решительно отбрасывает два первых — оставляя лишь последний и заявляя:

«Язык — вот естественная граница народов.

Где говорят по-польски, там — Польша.

Где говорят по-русски, там — Россия.

Какое основание может быть вернее и справедливее?» (Погодин, 1867: 63–64)²⁰.

Это понимание отсылает опять же к постгердеровскому, раннеромантическому видению, с его особым акцентом на языке — одновременно и объективном, «видимом» признаке, позволяющем внешнему наблюдателю идентифицировать наблюдаемого независимо от того самоописания, которое использует последний, и в то же время отсылающего к концепции «духа», явленного в слове. Как напишет Погодин в 1839 году в докладе С. С. Уварову, «язык есть такой же природный, неотъемлемый орган, как и прочие, только драгоценнейший для человека, потому что тесно связан с его разумною душою» (Погодин, 1874: 28). А. А. Шириянц отмечает, что «в 1860-е гг. центр тяжести обоснования различий <русской и западной государственности> смещается в сторону сакрального начала — „возвещения нам слова Божия“ славянскими просветителями святыми Кириллом и Мефодием» (Шириянц, 2011: 439), однако даже соглашаясь с этим наблюдением, все-таки сакральностью здесь обладает для Погодина в первую очередь сам язык.

20. Аналогично в статье 1863 г. «Польский вопрос» Погодин указывает на происхождение, язык, вероисповедание, но в конечном счете проводит границу по языку преобладающей части населения, «простого народа» (Погодин, 1867: 80).

* * *

Подводя итог краткому историческому обзору, отметим следующее:

— нельзя никоим образом сказать, что по славянскому вопросу Погодин придерживался официальной политики Российской империи;

— невозможно признать, что его позиция относительно «русскости», «русского народа» является лишь отражением официальной доктрины.

И в том и в другом отношении Погодин выдвигал и обосновывал различными способами — начиная от докладов министру народного просвещения и письма цесаревичу и заканчивая непечатной публицистикой времен Крымской войны — собственное видение. Вопрос национальный для Погодина оказывается оторванным от вопроса вероисповедного — последний фактор Погодин начинает отмечать достаточно поздно, под влиянием как объективных обстоятельств, вынуждающих брать его в расчет, так и славянофильской доктрины. Хотя данные вероисповедные формулировки появляются, они остаются второстепенными — примечательно, что польский вопрос Погодин принципиально отказывается осмыслять как столкновение православия и католицизма (схема, предложенная Ю. Ф. Самариным). Правда, задолго до этого он рассуждает о возможностях обращения поляков в православие, что представляется ему (снимая ритуальные оговорки) политически благоприятным решением. Сама религия осмысляется им последовательно — с ранних работ, таких как «Исторические афоризмы» — как культурный, политический и т. п. феномен, т. е. он максимально далек от попыток выстроить религиозную философию (в первую очередь философию истории). Распространяя выводы из исследования В. А. Мартынова, посвященного воззрениям С. П. Шевырева (Мартынов, 2011: 114–117) на М. П. Погодина, позволительно сказать, что его мысль имеет существенное просвещенческое содержание — романтические воззрения были им усвоены достаточно глубоко, но раз за разом переинтерпретировались просвещенчески.

Сформированное Погодиным в 1820–1830-е годы относительно неглубокое понимание национальной проблематики на уровне расхожих представлений той эпохи, подхватывающее общие места западно- и юго-славянских национальных движений, оказалось слишком «грубым» интеллектуальным инструментом в условиях второй волны национальных движений, после 1848 года. Это проявилось в польском вопросе в ситуации 1863–1864 гг., когда выступления Погодина были проигнорированы всеми сторонами полемического противостояния. Игнорировались те основные пункты, вокруг которых разворачивался конфликт (множественные идентичности, роль самосознания, соотношение религиозной и национальной идентичности и т. п.). Однако сами по себе взгляды Погодина на национальный вопрос представляют особый интерес. Это один из немногих достаточно проговоренных и многоаспектных выражений национальной проблематики в русской интеллектуальной традиции в период 1830–1840-х годов в рамках именно политического (основная часть полемики оказалась вытеснена в пространство эстети-

ческое). Национальная проблематика для Погодина вынесена преимущественно «вовне» — в сферу внешней политики, тогда как обращаться к внутриимперским аспектам он избегает (если не считать Польского вопроса). Причину этого, по нашему мнению, следует видеть не в избранной им публицистической стратегии. В своих взглядах он касался вопросов и отстаивал позиции, далеко не однозначные и зачастую не имеющие шансов быть благосклонно встреченными в высших правительственных кругах. Дело скорее в том, что, формируясь в 1820–1830-е годы, он воспринимает — несколько непоследовательно — «гражданское» понимание «нации», где потенциально «имперское» и «национальное» тяготеют к совпадению. Понимание это «деполитизированное»: из осознания данного конфликта в конце 1840-х возникнет новое, славянофильское понимание «народа» как обретающего свою субъектность в «обществе» как «оргane самосознания» народа. Для Погодина, однако, здесь отсутствует напряжение: он воспринимает государство как состоящее из правительства и народа (Погодин, 1836: 54), т. е. субъектом оказывается государство в лице правительства. Империи предлагается политика «цезаристского» толка через эскалацию напряженности с европейскими соседями, «играя на повышение», снимая внутренний конфликт через внешний.

Сокращения

ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения.

С.Е.И.В. Канцелярия — Собственная Его Императорского Величества Канцелярия.

ЧОИДР — Чтения в императорском обществе истории и древностей российских.

Литература

Аксаков И. С. (1988). Письма к родным. 1844–1849 / Изд. подготовила Т.Ф. Пирожкова. М.: Наука.

Барсуков Н. П. (1891) Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. IV. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича.

Барсуков Н. П. (1898). Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. XII. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича.

Бачинин А. А. (1992). Россия и Польша в историко-политической публицистике М. П. Погодина // Балканские исследования. Вып. 16: Российское общество и зарубежные славяне. XVIII — нач. XIX в. М.: Ин-т славяноведения РАН. С. 167–179.

Венедиктов Г. К. (Ред.). (1998). Ю. И. Венелин в болгарском возрождении. М: Ин-т славяноведения и балканистики РАН.

Добровский Й. (1833). Грамматика языка славянского по древнему наречию, на коем россияне, сербы и другие славяне греческого исповедания, и далматы-глаголи-

- ты римского исповедания имеют церковные книги. Ч. 1 / Пер. с лат. М. Погодин. СПб.: Тип. Департамента народного просвещения.
- Добровский Й.* (1834). Грамматика языка славянского по древнему наречию, на коем россияне, сербы и другие славяне греческого исповедания, и далматы-глаголиты римского исповедания имеют церковные книги. Ч. 2-3 / Пер. с лат. С. Шевырева. СПб.: Тип. Императорской Академии наук.
- Кацис Л. Ф., Одесский М. П.* (2010). «Славянская взаимность»: модель и топика. Очерки. М.: Регнум.
- Койре А.* (2003). Философия и национальная проблема в России начала XIX века / Пер. с фр. А. М. Руткевича под ред. И. В. Борисовой. М.: Модест Колеров.
- Котенко А. Л., Мартынюк О. В., Миллер А. И.* (2012). Малоросс // «Понятие о России»: к исторической семантике имперского периода. Т. 2. М.: Новое литературное обозрение. С. 392–443.
- Лециловская И. И.* (1997). Идея общности славян в культурах славянских народов (конец XVIII — первая половина XIX в.) // Славянский вопрос: веки истории / Под ред. Е. П. Аксенова, А. Н. Горяинова, М. Ю. Досталь. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН. С. 20–42.
- Мартынов В. А.* (2011). Эпизод из жизни «русской идеи»: С. П. Шевырев. Омск: Изд-во Омского гос. ун-та.
- Павленко Н. И.* (2003). Михаил Погодин: жизнь и творчество. М.: Памятники исторической мысли.
- Пашаева Н. М.* (2001). Очерки истории русского движения в Галичине XIX–XX вв. М.: Государственная публичная историческая библиотека России.
- Погодин М. П.* (1882). Письма М. П. Погодина к М. А. Максимовичу. С пояснениями С. И. Пономарева. СПб.: Тип. Императорской Академии наук.
- Погодин М. П.* (1874). Историко-политические письма и записки в продолжении Крымской войны. 1853–1856. М.: Тип. В. М. Фриш.
- Погодин М. П.* (1836). Исторические афоризмы. М.: Университетская типография.
- Погодин М. П.* (1867). Польский вопрос. Собрание рассуждений, записок и замечаний. 1831–1867. М.: Тип. газеты «Русский».
- Погодин М. П.* (1873). К вопросу о славянофилах // Гражданин. №11. С. 347–352; № 13. С. 415–420.
- Попов Н. А.* (Ред). (1879). Письма к М. П. Погодину из славянских земель (1835–1861). М.: Университетская типография.
- Пытин А. Н.* (1906). Характеристики литературных мнений от двадцатых до пятидесятих годов. СПб.: Колос.
- Стайцов Р. Е.* (2010). Тема Польши в публицистике М. П. Погодина (50-е годы XIX в.) // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. № 6. С. 222–228.
- Тесля А. А.* (2010). Понятия «нации» и «народности» в государственной идеологии конца 20-х — начала 30-х гг. XIX в. в связи с «польским вопросом» // Основные тенденции государственного и общественного развития России: история и со-

- временность. Вып. 4 / Под ред. Н. Т. Кудиновой. Хабаровск: Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та. С. 3–12.
- Толочко А.* (2012a). Киевская Русь и Малороссия в XIX веке. К.: Laurus.
- Толочко А.* (2012б). Спор о наследии Киевской Руси в середине XIX века: Максимович vs. Погодин / Пер. с укр. А. Н. Дмитриева и О. В. Карповой // Историческая культура императорской России: формирование представлений о прошлом: Коллект. моногр. в честь проф. И. М. Савельевой / Отв. ред. А. Н. Дмитриев. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.
- Чаадаев П. Я.* (1991). Полное собрание сочинений и избранные письма. Т. 2: Письма П. Я. Чаадаева и комментарии к ним. Письма разных лиц к П. Я. Чаадаеву. Архивные документы. Именной указатель к 1 и 2 томам / Отв. ред. З. А. Каменский. М.: Наука.
- Шириняни А. А.* (2008) Русский хранитель: политический консерватизм М. П. Погодина. М.: Русский Миръ.
- Шириняни А. А.* (2011). Нигилизм или консерватизм? (Русская интеллигенция в истории политики и мысли). М.: Изд-во Моск. ун-та.
- Hroch M.* (1985). Social preconditions of national revival in Europe: a comparative analysis of social composition of patriotic groups among the smaller European nations / Transl. B. Fowkes. Cambridge: Cambridge University Press.